

ГЕНДЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В ОБЩЕСТВЕ КОЧЕВНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

В статье исследуется возможность изучения разделения труда между мужчинами и женщинами в обществе кочевников раннего железного века Южного Урала с опорой на материалы исследования могильников. Краткий обзор историографии вопроса и работа с источниками привели к выводу о принципиальной возможности такой реконструкции с учетом расширения круга источников и применения естественно-научных методов анализа.

Ключевые слова: *ранний железный век, Южный Урал, кочевники, погребальный обряд, разделение труда.*

Основным источником в археологии является, как известно, материальная культура древних обществ. Через ее изучение и контекстуальную интерпретацию археология призвана реконструировать жизнь давно ушедших народов. При этом важно помнить, что постройки, погребения, культовые места, артефакты — все это создавалось индивидами и, соответственно, несет отпечатки их идентичности. Это может служить пониманию учеными вклада различных социальных групп и людей разного пола и возраста в различные области хозяйства, производство, ритуалы и проследить динамику и развитие / упадок культур.

Для изучения жизни кочевников раннего железного века Урала погребальные памятники — практически единственный источник. Плюсом является тот факт, что мы имеем дело непосредственно с индивидом и можем судить о его жизни и смерти по окружающим его конструкциям и предметам. Однако отсутствие поселений лишает нас важных данных об экономической деятельности общества.

Специфика погребального источника во всех случаях заключается в том, что информация, заключенная в нем, завуалирована системой верований, связанной с представлениями о жизни и смерти. Соответственно мы видим отражение идентичности умершего через призму этих совершенно не известных нам установок. С социальной точки зрения, погребальный памятник, как правило, отражает сложную смесь символов различных общественных отношений и структур, археологическая идентификация и разграничение которых представляет собой немалую проблему.

Тем не менее возраст, пол, вертикальный статус и родственные связи — это тот минимальный набор характеристик, который, безусловно, учитывался при погребении каждого индивида. Эти характеристики обычно маркировались материальными символами и, следовательно, могут быть поняты археологами. Мы уверены, что при осторожном контекстуальном подходе и понимании, насколько многомерен погребальный источник, принципиально возможно реконструировать социальные отношения древности или, в зависимости от информативности источника, их фрагменты.

Для анализа разделения труда между мужчинами и женщинами мы выбрали термин «гендер», подразумевая «социальный пол», то есть общественные

* Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда, проект № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени».

отношения, основанные на биологическом поле. Биологический пол является фиксированным, данным от рождения, тогда как гендер создается внутри общества и не может существовать вне его. В каждом социуме существуют *гендерные стереотипы* — общественно признанные нормы поведения мужчин и женщин.

Как гендер символизируется через предметы? Идея гендерных различий часто соотносится с разрешением / запрещением чего-то для некоторых категорий индивидов: например, ношение определенных видов одежды, причесок, татуировок, украшений, оружия или выполнение каких-то действий. В этих операциях используются предметы, через них гендерные связи становятся более «видимыми», и некоторые из них сопровождают человека и после смерти (Sorensen, 2000. P. 76). В погребения довольно часто клали предметы, которые умерший использовал при жизни, в том числе орудия труда. Тот факт, что гендерные отношения и / или различия могут находить свое отражение в материальных символах, как раз и делает принципиально возможным их археологическое изучение.

Таким образом, за неимением поселенческих материалов может ли археолог судить о разделении труда между мужчинами и женщинами в обществе кочевников раннего железного века, основываясь на данных могильников? Попытка найти ответ на данный вопрос и является целью данного исследования.

Следует сразу же отметить, что в археологической литературе довольно часто обсуждаются различия в погребальных наборах мужчин и женщин из обществ ранних кочевников (см. подробнее: Чиркова, Берсенева, 2024). На этом основании реконструируются социальные роли и социальные группы («воины», «жрицы», «амазонки», «татуировщицы» и т. д.) (например: Яблонский, 2013. С. 11–12, 34, 37). Тем не менее принципы разделения труда между мужчинами и женщинами на основании анализа археологических материалов изучались недостаточно. К. Ф. Смирнов полагал, что изготовлением посуды были заняты «главным образом женщины» (Смирнов, 1964б. С. 59), с чем согласился Л. Т. Яблонский (Яблонский, 2013. С. 33). Прядение и ткачество К. Ф. Смирнов относил также к женским занятиям, основываясь на находках пряслиц в женских погребениях (Смирнов, 1964б. С. 59). Л. Т. Яблонский отмечал, что орудия труда вообще более характерны для женских захоронений. Женщины, по его мнению, «занимались домашним хозяйством, в том числе выделкой кож и изготовлением посуды, ткачеством» (Яблонский, 2013. С. 11).

Исследования хозяйственной деятельности кочевников раннего железного века Южного Урала, как правило, больше опираются на этнографические данные, чем на археологический источник (Акбулатов, 1999). Изучение разделения труда на мужскую и женскую сферы у кочевников Средневековья и Нового времени Центральной Евразии продемонстрировало, что хозяйственные занятия были строго разграничены, нарушение правил и традиций не приветствовалось (Таиров, Берсенева, 2021).

Для археологов не секрет, что в могильниках кочевников раннего железного века содержится относительно мало предметов, которые можно было бы расценить как орудия труда. Перечень этих артефактов, обнаруженных в могильниках Южного Урала, весьма краток, не говоря уже о том, что он неоднозначен. К. Ф. Смирнов квалифицировал как орудия труда «ножи, пряслица, различные абразивные предметы и мелкие инструменты вроде шильев и проколов» (Смирнов, 1964а. С. 104). К этому списку сегодня можно добавить иглы из различных материалов, несколько экземпляров железных топоров, железные наконечники различных орудий, а также мелкие инструменты, предположительно, связанные с ювелирным производством.

Самой распространенной категорией находок, которую обычно относят к орудиям труда, являются железные ножи. Они в равной мере характерны и для мужских, и для женских погребений. Ножи, очевидно, широко использовались как в быту, так и в хозяйственной деятельности, не являясь специализированным орудием. Пряслица также встречаются довольно часто, в подавляющем большинстве случаев связаны с погребениями женщин и отчасти могут служить подтверждением занятия прядением или ткачеством. Иглы и шилья происходят преимущественно из женских погребений. Немногочисленные топоры и прочие железные орудия найдены в могилах мужчин или в насыпях курганов и заполнении ям. Ювелирные инструменты сопровождали женщину высокого социального ранга (Аникеева, Яблонский, 2018).

Таким образом, очевидно, что источников достаточно для анализа и необходима серьезная проработка вопроса, включая и соотнесение результатов с этнографическими данными.

Суммируя изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на косвенный характер свидетельств, мы видим возможности для реконструкции принципов гендерного разделения труда в обществах ранних кочевников Южного Урала.

2. Накопление материала, совершенствование методики раскопок, естественно-научные методы позволяют более уверенно судить о существовавших у кочевников производствах и уровне их развития.

3. Антропологический анализ позволяет связать пол умершего и окружающие его в погребении предметы, что делает реконструкцию его занятий более доказуемой.

4. Проблема нуждается в дальнейшем, более развернутом изучении, выходящем за рамки формата тезисов.

Список литературы

Акбулатов М. М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. — IV в. н. э.). Уфа : Нац. музей Респ. Башкортостан, 1999. 102 с.

Аникеева О. В., Яблонский Л. Т. Кустарное ювелирное ремесло у ранних кочевников Южного Урала // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. С. 189–193.

Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М. : Наука, 1964а. 379 с.

Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // Советская археология. 1964б. № 3. С. 45–63.

Таиров А. Д., Берсенева Н. А. Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII — начала XX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14, № 6. С. 1267–1280.

Чиркова А. Х., Берсенева Н. А. Изучение социальной структуры кочевников Южного Урала раннего железного века по данным археологии и палеоантропологии: краткий историографический обзор // *Археология Казахстана*. 2024. № 4 (26). С. 126–142.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. коллекции. Кн. 1. М. : Ин-т археологии РАН, 2013. 232 с.

Sorensen M.L.S. *Gender Archaeology*. Cambridge : Polity Press, 2000. 225 p.